

ББК 87
УДК 1

Редакционный совет:

Сабиров В.Ш. (главный редактор)
Емельянов Б.В. (Екатеринбург)
Зимбули А.Е. (Санкт-Петербург)
Казанцев Ю.И.
Сатретдинова Р.С.
Соина О.С.
Чудинов С.И. (зам. главного редактора)

Школа мысли. Альманах гуманитарного знания : сборник научных трудов. – Новосибирск : НГАСУ (Сибстрин), 2011. – № 10. – 144 с.

ISBN 978-5-7795-0552-9

В альманахе «Школа мысли» представлены научные труды профессоров, преподавателей гуманитарных дисциплин и аспирантов, посвященные актуальным проблемам философского и культурологического знания. Авторы придерживаются различных мировоззренческих и методологических подходов, представляют широкую панораму теоретических воззрений, что создает возможности и предпосылки для конструктивного диалога между ними, а также служит хорошей школой для молодых ученых-гуманитариев.

Электронный вариант альманаха «Школа мысли»
можно найти на сайте:
<http://shkola-mysli.narod.ru>

ISBN 978-5-7795-0552-9

© Новосибирский государственный
архитектурно-строительный
университет (Сибстрин), 2011

ШКОЛА МЫСЛИ

Альманах гуманитарного знания № 10

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТИКА

<i>Сабиров В.Ш., Соина О.С.</i>	Аберрация совести (историко-этический аспект) Окончание.....	5
<i>Ахматов В.В.</i>	Нравственно-этические аспекты античной эсхатологии.....	22
<i>Плешивцева Е.Ю.</i>	Социокультурные основания британской морали: принцип «честной игры».....	30
<i>Дзоффолли С.</i>	Нравственные аспекты понятия опыта в системе воззрений Луиджи Джуссани.....	39

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Тарнапольская Г.М.</i>	Загадка в истории культуры и постижение невывразимого.....	50
---------------------------	---	----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Карпицкий Н.Н.</i>	Феноменология смысла исторического события и смысла общения.....	57
<i>Шматков М.Н.</i>	Генезис и современная динамика информатизации социальных систем: попытка философского осмысления.....	64
<i>Ореховский А.И.</i>	Несправедливость как основание коррупции.....	81

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

<i>Пошехонов И.Г.</i>	Исламский экстремизм как внутренняя угроза национальной безопасности России.....	90
<i>Червонный В.П.</i>	Об идеологическом аспекте экстремистского сознания.....	96
<i>Мельников М.В.</i>	Сексуальный экстремизм в контексте изучения дихотомии публичного и приватного.....	102

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Шматков Р.Н.</i>	Образовательная политика и обеспечение качества высшего профессионального образования.....	110
---------------------	--	-----

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТУПИ-ЧОК

<i>Зимбули А.Е.</i>	Италия 2010.....	132
Сведения об авторах.....		144

ЗАГАДКА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПОСТИЖЕНИЕ НЕВЫРАЗИМОГО

Аннотация. Различие между культурами можно понять на основе различного понимания загадки. Загадка является способом указать на невыразимое. Загадка в античную эпоху указывала на непостижимость судьбы. В средневековую эпоху загадка указывала на тайну Бога. Сейчас загадка стала детской забавой, потому что современный человек не видит в мире тайны.

Abstract. Distinction between the cultures can be understood on various understanding of enigma. The enigma is the way to express the inexpressible. The enigma in Antiquity expressed the inexpressible of destiny. In the medieval epoch enigma expressed the inexpressible of God. Now the enigma has become children's entertainment because the modern person doesn't see any mystery in the world.

Ключевые слова: загадка, судьба, потенциальность, культура, смысл, невыразимое.

Keywords: enigma, destiny, potentiality, culture, sense, inexpressible

Когда речь заходит о знании, обычно предполагается знание чего-то определенного, будь то определенность эмпирических вещей, закономерных связей между вещами или определенность умозрительного смысла. Однако иногда человек стремится познать то, чего еще нет, но будет, что еще не достигло определенности и не осуществилось во времени. Будущее представляется по-разному. Оно может быть прогнозируемо на основе уже имеющихся знаний о выявленных закономерностях, и в этом случае знание о будущем носит вполне определенный характер. Наряду с этим человек сталкивается с таким будущим, которое не поддается рациональному прогнозированию, поскольку имеет предпосылки не в том, что есть общего у возникающего явления со всем классом подобных явлений, а в том, что индивидуально. К сфере индивидуального относятся все события, которые произошли или произойдут только с данным человеком и ни с каким другим. При этом общезначимые явления также могут осуществляться как индивидуальные. Например, смерть представляет собой общее для всех людей неизбежное явление, но для каждого человека она осуществляется по-своему, индивидуально. Совокупность таких индивидуальных рационально непрогнозируемых событий составляет судьбу человека.

Под судьбой понимается не какое угодно индивидуальное событие, а только такое, которое, во-первых, должно произойти неизбежно, и, во-вторых, такое, которое ошутимо меняет жизнь человека, а иногда и целого

сообщества людей, переориентируя весь поток событий жизни в новом направлении. Это второе свойство судьбоносного события побуждает человека интересоваться как собственным будущим, так и будущим своего сообщества. Данный интерес сочетается с естественным стремлением человека избежать неопределенности, сделать все доступным рациональному восприятию, что обычно и называют словом «познать».

Ощущение того, что все происходящее не случайно, но внутренне осмыслено и упорядочено в соответствии с какой-то неявной определенностью или необходимостью, пробуждает стремление сделать этот неявный смысл явным. Наличие неявной осмысленности внешне случайных событий заставляет думать, что эта осмысленность уже предзадана, т.е. события уже кем-то или чем-то предопределены, а за их хаотической совокупностью скрывается оформленность, заданная хоть и неявным, но уже имеющимся смыслом. Этот смысл как будто кем-то спрятан или загадан, и человек может либо попытаться раскрыть его, разгадать как загадку, либо просто осуществить в потоке жизни, понимая его лишь задним числом.

Загадка как литературный жанр представляет собой сокрытие общеизвестного, даже достаточно обыденного, слова путем переобозначения его другими словами. В мифологическом сознании загадывание и разгадывание загадок – это игра, выявляющая мудреца. Тот, кто способен разгадать смысл, загаданный другим человеком, способен также угадать и загаданную волю божества или путь судьбы. Потребность в загадывании и разгадывании загадок связана с тем, что человек, сталкиваясь с неопределенностью в жизни, ощущает, что эта неопределенность лишь кажущаяся, за ней скрывается еще не понятое предопределение, а значит, во всем можно выявить определенность. Гносеологическое удовольствие от разгадывания позволило загадке стать одним из эстетических средств искусства, прежде всего, массового, сохранившего сопричастность мифологическим архетипам. В настоящее время загадка превратилась из благородной игры мудрецов в детскую забаву или развлекательные детективные истории для взрослых.

Слова, которыми в загадке переобозначается задуманный смысл, должны быть одновременно и скрывающими, и раскрывающими этот смысл. Они лишь намекают на укрытое за ними иное содержание, и поэтому сами являются странными, необыкновенными, т.е. загадочными. Разгадка же, наоборот, должна быть вполне простым и понятным смыслом. Игра на противопоставлении необычных, загадочных слов и обыденного смысла обуславливает эстетический эффект загадки. Но кроме эстетического эффекта это противопоставление обладает и символическим смыслом. Оно символизирует другую загадку, ту, которой становится сама жизнь человека, точнее, смысл судьбы, скрытый в неопределенности и подлежащий приведению к определенности, т.е. разгадыванию и осуществлению. В этом смысле символическим статусом обладает игра в загадки между Сфинкс и Эдипом, причем ставка в этой игре – жизнь проигравшего.

Разгадывая загадки Сфинкс, Эдип символически осуществляет загадочную для него самую судьбу, которую он разгадал только в реальном осуществлении ее в собственной жизни.

Как и в обычной загадке, сокрытость загаданного смысла, предопределяющего совокупность судьбоносных событий, не абсолютна. Сознанию человека она является через систему особых и тоже «загадочных» примет или знаков. Сама загадочность этих знаков не является следствием злокозненности некоего сверхмогущественного разума, забавы ради играющего с человеком в свои загадки. Загадочность – это побочный эффект того факта, что данный смысл находится еще в потенциальном состоянии, он не определен, а лишь пред-определен. Потенциальность смысла выявляет «не предзаданную определенность, но неопределенное предчувствие», называемое Н.Н. Карпицким «трансцендентальным предчувствием»¹. Это означает, что смысл пока еще не выражен актуально для умозрения, хотя уже предсуществует в какой-то другой сфере бытия, а именно, в сфере неопределенного.

В отличие от актуализированной и потому доступной восприятию реальности, сфера неопределенного неуловима. Границы вещей и смыслов в ней размыты, подвижны и не подчиняются законам логики привычного мира. Можно провести аналогию со сновидением: допустим, сновидящий берет один предмет, а через мгновение у него в руках оказывается совсем другой. То же самое происходит и в сфере неопределенного – предметы видоизменяются и превращаются друг в друга совершенно вне всяких логических закономерностей, а события протекают хаотично, вне логической связи друг с другом и вне линейной временной последовательности, знакомой нам по обыденному миру бодрствования. Поэтому в состоянии бодрствования сюжет сновидения выглядит странным, а слова, с помощью которых рассказывается сон, неизбежно становятся «загадочными», поскольку смысловые связи между ними не соответствуют логике бодрствующего сознания.

От Гераклита дошли слова: «Владыка, чье прорицалище в Дельфах, не говорит и не утаивает, но подает знаки»². Эти знаки требуют интерпретации и составляют загадку именно потому, что обозначаемый ими смысл еще не находится в сфере актуального, хотя уже оказывает влияние на нее. Предсказывающий судьбу оракул действует в сфере неопределенного, однако, для того, чтобы выразить добытое знание, он пользуется словами обычного языка. Поскольку в прорицании речь идет о вещах еще не принадлежащих повседневной реальности, привычные слова становятся необычными, странными, часто нелогичными. Их смысл погружается в неопределенность, поэтому предсказания по необходимости загадочны, а знаки судьбы темны и непонятны. Однако, как и в обычной

¹ Карпицкий Н. Н. Присутствие и трансцендентальное предчувствие. Томск : Изд-во ТГУ, 2003. С. 10.

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М. : Наука, 1989. С. 193.

загадке, они становятся понятными и даже кажутся простыми, когда судьба осуществляется, и «пред-определенный» смысл приходит к полной определенности, раскрываясь в конкретных событиях.

Неопределенное содержание может быть выражено только тогда, когда оно уже хотя бы частично определилось. Такая частичная определенность, или «пред-определенность», называется судьбой и предполагает, как указывает В.П. Горан, две различные формы понимания: личностно-волюнтаристическую (как волю какого-то конкретного божества), и безлично-фаталистическую (как нечто независящее от чьей бы то ни было воли)³. Воля или намерение человека, тоже частично определенное и известное ему самому, не может быть названо судьбой, поскольку, во-первых, оно далеко не всегда осуществляется, а во-вторых, само слово «судьба» означает то, что присуждено, а сам акт присуждения выполняется всегда кем-то другим, но не тем, кому нечто присуждается. Воля божества или предопределение безличной судьбы непреложно и обязательно осуществится любыми путями, хотя и неизвестно какими. Тем не менее, как только предопределение возникло в божественном сознании, оно уже может быть предсказано оракулом, однако, без указания на конкретные пути осуществления. Например, Эдипу оракул объявил, что в силу тяготеющего над его родом проклятия его судьба в том, чтобы совершить самые тяжкие преступления и быть отвратительным в глазах богов и людей. Но оракул не открыл конкретных обстоятельств, при которых Эдип совершил бы эти преступления, так как сами обстоятельства не имеют значения и могут меняться. Они представляют собой лишь неопределенные возможности, приводящиеся к определенности неким смыслом, в данном случае – проклятием, поэтому могут быть любыми пригодными для воплощения этого смысла. Что бы Эдип ни делал, пытаясь избежать совершения преступлений, он все равно их совершит, ибо все потенции его жизни оформляются смыслом родового проклятия.

Предопределенный смысл судьбы влияет на актуализацию неопределенных возможностей человеческой жизни таким образом, что эту сферу возможностей оформляет в направлении своего осуществления. Обратный проклятию случай – избранничество или благословение. Механизм его действия такой же. Благословенному удача будет неизменно сопутствовать в его делах. Что бы избранный человек ни делал, он совершит то, для чего избран, и даже смерть этому не помешает.

Загадка предсказания возможного будущего представляет собой мозаику, состоящую из разрозненных фрагментов реальности или непонятных слов, смысл которых становится ясным только в момент осуществления самого события или после этого. Но сами по себе слова предсказания совершенно непонятны, поскольку описывают лишь отдельный кусок, выплывший из области неопределенных возможностей. Сама по себе ситуация прорицания является противоречивой, ибо человек

³ Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск : Наука, 1990. С. 187–188.

хочет узнать будущее, чтобы знать, как ему действовать. Однако пророчество не может служить руководством к действию, так как оно выражает лишь то, что произойдет в любом случае, что бы человек ни предпринимал, при этом загадочность и двусмысленность самого этого выражения даже отдаленно не напоминает четкие инструкции к выполнению. Примером тому может служить эпизод из фильма «Матрица», где герои приходят к оракулу за предсказанием и советом относительно того, как им действовать дальше. Каждому из них оракул дал свое предсказание, касающееся судьбы их общего дела, но само по себе непонятное, поскольку оно выражало лишь тот фрагмент будущего, который относился к каждому из них в отдельности. Классическая загадочность и двусмысленность такого предсказания могла служить лишь поводом к размышлению, но не прямым руководством к действию. Однако в некий момент все герои самоопределяются таким образом, что в их действиях осуществляется предсказанная оракулом возможность. В принципе, если бы герои действовали по-другому, заложенная в качестве смысла предсказания возможность была бы реализована другим образом и, соответственно, привела бы к другим результатам, но вовсе не осуществиться она не могла, поскольку, будучи смыслом предсказания, в этом аспекте уже являлась актуальной. Существующий в форме индивидуального предназначения еще не актуализированный в эмпирической реальности смысл предсказания предопределяет такое положение, при котором ни с одним из героев не может произойти то, что ему не предопределено, и ни один не смог бы совершить то, для чего он не предназначен. Но если он осуществляет предназначение, даже смерть не может ему помешать.

В античности загадка в качестве способа познания невыразимого как потенциально-неопределенного содержания представляла собой, прежде всего, загадку о судьбе. С приходом христианства перед человеком встала задача описания нового опыта, относящегося к другому типу невыразимого бытия, а именно, бытия трансцендентной внутрибожественной жизни. Этот тип невыразимого представляет собой полную противоположность невыразимости сферы потенциального содержания, которая, в форме судьбы, интересовала античного язычника. Христианина интересует возможность познания данной ему в религиозном опыте реальности внутрибожественной жизни. Все бытие единого трансцендентного Божества полностью актуально, в нем нет ничего такого, что относилось бы к сфере неопределенных возможностей. Все, что помыслено Богом, обретает полноту бытия и имеет ее, пока сохраняет свою причастность Богу. Эта полнота бытия представляет собой абсолютную актуальность всего содержания внутрибожественной жизни, иными словами, сверхактуальность.

Под сверхактуальностью здесь имеется в виду такая актуальность, которой не предшествует и не последует ни одно из состояний небытия – ни в смысле потенциальности, ни в смысле уничтоженности. Сверхактуальный смысл пребывает в своей полноте неизменно и ни в какой своей части не причастен небытию. Вследствие этого он относится лишь к вечности и не может относиться ко времени, само существование

которого обусловлено потенциальностью. Отсюда следует, что сверхактуальное содержание как таковое не помещается в рамки тварного мира и не может воплотиться в эмпирической актуальности, не перестав быть собой. В отношении эмпирического мира сверхактуальное содержание предстает как образец или эйдос и поэтому оно может пониматься как потенция возникающих в эмпирической реальности образов.

Пытаясь выразить данное в откровении знание о сверхактуальном бытии, человек снова обращается к загадке, в которой содержатся средства для выражения невыразимого. Только теперь загадка приобретает новые черты, соответствующие тому типу невыразимого, средством познания которого она становится.

В отличие от языческого предсказания-загадки, христианское познание божественного промысла не может быть выполнено путем гадания. Оно дается самим Богом либо в пророчестве, либо по молитве. Античное гадание – это определенный ритуал, при котором человек в состоянии транса вторгается в принципиально внечеловеческие области бытия. Но хотя эти области принадлежат божествам, это все-таки вполне потусторонние, внутримировые области, и поэтому существуют возможные пути проникновения в них. Но эти пути совершенно непригодны для проникновения в сферу сверхактуального трансцендентного бытия именно по причине его трансцендентности и сверхактуальности. Сама трансцендентная природа Божества не может быть подвергнута вторжению со стороны человека просто потому, что человеческая природа не в состоянии быть активной в отношении того, что сверхактивно. В самом деле, сталкиваясь с неопределенностью потенциального, человек погружается во мрак, но силится проникнуть сквозь него, осветить его собственным светом. При столкновении со сверхактуальностью, человек тоже погружается во мрак, но этот мрак совершенно другой природы. В нем свет сознания теряется, поглощенный более мощным светом сверхактуального бытия. Поэтому здесь невозможны обычные познавательные акты, которые применимы в отношении эмпирических вещей или умопостигаемых смыслов. Знание о внутрибожественной жизни может быть дано лишь в форме откровения.

Познание принципиально чуждого тварному миру Божества может осуществляться только через парадокс незнания, и выразиться в молчании. Как и в обычной загадке, этот парадокс загадывается с помощью переобозначающих слов, выстроенных так, чтобы и сам парадокс «знающего незнания» и молчание о нем возникли в сознании человека. В силу этого загадочные слова становятся не просто необычными и странными, но прямо парадоксальными. Характеризуя философский стиль Псевдо-Дионисия Ареопагита, С.С. Аверинцев пишет: «"Свет", который есть "мрак", и "мрак", который есть "свет", – это не просто отвлеченный тезис идеалистической диалектики, но одновременно всей силой гипнотизирующих повторов, тавтологий и прочих эмоциональных раздражителей навязанная воображению невообразимость, внедренное в психику

человека противоречие, которое призвано "преобразить" эту психику. ...Перед нами парадокс словесной "бессловесности" и на редкость многоречивого "молчания"; но в известном смысле это и впрямь "бессловесность", и впрямь "молчание". Слова как бы уничтожаются в акте исполнения ими своей функции. Конечно, "молчание", которого ищет Псевдо-Дионисий, не может быть осуществлено в самом тексте; оно должно быть спровоцировано в другом месте – в уме читателя. Оно не дано, а загадано в "загадочных" словах, *как последняя разгадка всех загадок и последнее их осмысление*⁴.

Это парадоксальное загадывание приводит Ареопагита к созданию целой иерархии специальных символов, являющих собой не актуализирующиеся смыслы, а полностью актуальные содержания божественного бытия. И здесь, как и в античности, символический статус загадки сохраняется и даже усиливается, и не только в культуре Византии, но и в средневековой культуре. Как замечает С.С. Аверинцев, загадка, «энigma» – одно из самых ходовых и ключевых понятий средневековой теории символа⁵. Конечно, символические особенности загадки в византийской культуре, как и сама загадка, меняются в сравнении с античными. В отличие от языческой загадки о судьбе византийская загадка загадывает не смысл, существующий актуально внутри Божества, а человеческое незнание этого смысла, саму невозможность проникнуть средствами тварного разума в нетварное бытие. Загадочные слова здесь указывают не на сферу потенциального, но еще неясного, а на сферу такого актуального, которое принципиально превосходит актуальность эмпирического бытия.

Таким образом, загадка является ключом к пониманию воплощенных в истории культуры трех стратегий познания невыразимого. Античная загадка выражала путь познания принципиально неопределенного, еще не актуализированного бытия. Средневековая загадка выражала путь постижения сверхактуального бытия. Приращение загадки в культурном сознании до детской забавы связано с третьей стратегией понимания, ориентированной на бытие в его определенности.

⁴ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1997. С. 146.

⁵ Там же. С. 148.